

НАДЕЖДА НЕЛИДОВА

ЖЕСТОКИЕ
ПРАВЫ

БУМЕРАНГ

Жестокие нравы

Надежда Нелидова

Бумеранг

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Нелидова Н.

Бумеранг / Н. Нелидова — «Мультимедийное издательство
Стрельбицкого», — (Жестокие нравы)

Иногда они возвращаются. Не иногда, а всегда: бумеранги, безжалостно и
бездумно запущенные нами в молодости. Как правило, мы бросали их в самых
близких любимых людей. Как больно! Так же было больно тем, в кого мы
целились: с умыслом или без.

© Нелидова Н.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

ВСЁ ИЗ-ЗА ЦЫПЛЁНКА	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Надежда Нелидова

БУМЕРАНГ

ВСЁ ИЗ-ЗА ЦЫПЛЁНКА

Дорога из райцентра в город – как оброненная на землю, скрученная гигантская стружка, – петляешь по ней полдня.

Рассказывают, дорогу в конце позапрошлого века взялся спонсировать местный богатый купец. Поставил условие: где проторит, там дороге и быть. Сел в телегу, следом ехали землемеры с астролябиями. Купец от скуки потягивал бражку, напился, да и сидя уснул. Смирная лошадка тщательно огибала все встречные холмы и холмики, впадинки и болотца. Получилась дорога из хитроумных петель и восьмёрок.

Потом её отсыпали гравием, потом залили асфальтом... По пути случилось сельцо Вешки, которому сильно завидовали утопавшие в грязи отдалённые деревни. Избы в Вешках, как водится, лепились к самой обочине, прямо под колёса ревущих фур. И странно и боязно было видеть в пыли и чаду чистенькие, прозрачные оконные стёклышки с белейшими подсиненными занавесками, с непременными пронзительными огоньками «ваньки мокрого».

Сорокавосьмилетняя Шура, самая молодая жительница Вешек, с утра ездила на попутке в райцентр, в больницу: состояла на группе с «головной болезнью» (в деревне её за глаза звали «блаженной Шуркой»). Да соседки надавали заказов: кому в аптеку, кому в собес, кому в храм свечку поставить.

Вернулась к вечерней дойке – и не узнала безлюдных Вешек: здесь царил столпотворение. Дорога перегорожена провисшими ленточками, стоит милицейская машина, санитарная с крестом. Ещё кучатся какие-то автомобили – и всё у её, Шуриной избы. Вешенские бабы, завидев её, замахали руками, загалдели:

– Дэтэпэ! Дэтэпэ!

«Долихачились, проклятые», – подумала Шура. На знак «40» в кружочке у въезда водители внимания не обращали, неслись как оглашенные. Смахни громадная фура на повороте Шурину вросшую в землю халупу – уехала бы не заметив.

Слава те господи, изба стояла на месте, целая – невредимая. Но прямо под окнами на содранном дёрне кверху тормашками лежала машина. Её – смятую, скукожившуюся, с задраным носом – как башмак, высушенный в русской печи – перевернули и втащили на прицеп. Можно представить, какая до этого была машина: красивенькая, длинная, лаковая, красная, как игрушка. Шура их видела по телевизору, когда тот ещё работал. В них садились расфуфыренные дамочки: в красных костюмах и туфлях на шпильках, с ярко накрашенными ртами.

Дамочку Шура не увидела: увезла машина с крестом.

– Молоденька, красивенька, ровно куколка. Волосики прилизаны, личико белое, ни кровинки, – жалели бабы. – А всё из-за твоего цыплёнка, Шура. Видать, паршивец, в ограде лаз нашёл, побёг через дорогу. А грязно, волгло после дождя. Она, матушка, чтоб на него не наехать, увернула машину – только тормоза визгнули. Через канавку прыгнула – напрямик в столб. Грохоту на все Вешки. Господи, было б из-за кого – из-за цыплёнка. Там давить-то нечего... Ты, Шура, в собесе бумажки наши выправила?

Гаишник в сдвинутой на затылок, от важности, фуражке, уложив планшетку на колене, записывал показания свидетельниц. «Автомобиль марки «Ламборджини» двигался с большим превышением скорости. В целях предотвращения столкновения с препятствием в виде цыплёнка (подумав, зачеркнул и написал «мелкой домашней птицы»), водительница не справилась

с управлением и совершила наезд на препятствие в виде столба (зачёркнуто) в виде опоры ЛЭП, с последующим опрокидыванием...»

Шуре строго сказал:

– Вот вкачу штраф: ты у меня попрыгаешь. Смотреть за скотиной надо. Пасётся посреди федеральной трассы, как на личном огороде. – Но внимательно посмотрел на Шуру, понял, с кем имеет дело, и сердито закашлялся.

Стемнело. Все машины разъехались – кроме одной, в темноте чернеющей как гора. Мужчина сидел на примятой муравке, охватив голову руками. На Шурино приглашение повечерять и лечь спать на сеновале не шелохнулся.

Утром первое, что увидела выглянувшая в окно Шура – мужчина, сидевший по-вчерашнему на том же месте. Неизвестно, о чём они между собой долго говорили. Кто-то из соседей видел, как мужик уговаривал Шурку, а та мотала головой. Потом мужик будто бы ткнул пальцем в виновника ДТП – цыплёнка, деловито копошащегося у них под ногами в поисках червяка, – тут Шурка и сникла. Он вынул из кармана пачку денег (толстую) и запихнул ей в передник.

Тем же вечером привёз и выгрузил из багажника белую как снег пирамидку. Под круглым стёклышком – фотокарточка. Установил аккуратно в том самом месте, где перевернулась машина – чуть не под Шуркиными окнами. Врыл свежевystруганную скамеечку. С выгона, где паслись коровы, Шура принесла букетик блёклых полевых цветочков и поставила у пирамидки в банку с водой.

Соседки поджали губы. Авторитетная старуха Гусева выразила общее мнение:

– Ополоумела вовсе, Александра, али денежки свет застили? Греха не боится. Под самые окна... Ты ещё у кровати памятник поставь – ухаживать сподручнее. За денежки-то. Хватает же у кого-то совести... Мракобесие ваше. – Гусева сплюнула.

– Моя земля, – неожиданно впервые в жизни огрызнулась Шура. – Постоит, честь по чести, девять дён. Чтоб было куда душеньке прилететь поплакать, где тело покинула. А ваше что за дело? Я к вам не суюсь, и вы ко мне лезьте. – Чем окончательно восстановила против себя вешенских баб.

Честно говоря, никакой пачки денег в помине не было. Одну зелёную бумажку насильно сунул в карман безутешный муж – или кто он там приходился разбившейся крале. У Шуры как раз не хватало на ручную маслбойку – она давно в райпо присмотрела. Хорошенькая, махонькая, беленькая – не больше стиральной машинки «Фея». Всё легче, чем миски со сливками туда-сюда баюкать-качать.

Потом Шура припоминала: кабы знала наперёд, не только б носа не высунула из избы – а накинула бы на дверь толстый крюк, залезла под одеяло и до утра бы тряслась со страху.

Открыла глаза в самую полночь – будто кто толкнул под бок. Огромная пятнистая луна в радужных кольцах заливала дивным розовым светом комнатку. Шура выглянула: на улице светло, как днём. У пирамидки на скамеечке сидела незнакомая женщина, тонкая, долгостанная, в брючном костюме. На коленях сумочка.

– Господи, ни днём, ни ночью покоя, – Шура в который раз пожалела, что уступила мужчине, разрешила поставить памятник. – Из города, что ль, приехала. Дня им мало, – ворчала, накидывая поверх сорочки большой тёплый платок, суя босые ноги в обрезанные резиновые сапоги.

Женщина на скрип двери не обернулась. Курила, опустив коротко стриженную, под мальчика голову. Над ней вился-кудрявился голубоватый сигаретный дымок. И сама женщина в лунном свете казалась зыбкой, призрачно-голубоватой, как этот дым.

Шура нерешительно сказала:

– Драстуйте.

Протянула ночной гостье короткопалую ладошку дощечкой. Но в последний момент застеснялась корявых, наждачно шершавых пальцев, спрятала руку за спину. Потопталась и присела на крыльце.

– Боже, какая тоска, – пожаловалась тонкая женщина. Голос у неё оказался неожиданно низким. – Ехала – хоть бы где огонёк. Все деревни погружены во тьму – глаз выколи. И ваша будто вымерла. Хорошо, луна вышла.

– Ак электричества нету, – охотно объяснила Шура. – Давно уж, года три. Ворюги в машинах приехали, средь бела дня провода обрезают. Мы и нос побоялись высунуть.

– Как же вы живёте? Без света...

– А привыкли. С солнышком встаём, с солнышком ложимся. Зимой к скотине с керосиновыми лампами ходим. Керосину у каждой бабы по бочке запасено – на наш век хватит. Живём. Погреба льдом набили – вот тебе холодильник. Без телевизора плохо, это как есть. Последнее кино не досмотрели, многосерийное – бабы больно жалели. Там ещё эта... Донна Роза – красивая – дочку в младенцах потеряла. А на сыновней свадьбе – ах, у невесты фамильный медальон оборвался, под ножки покатился. Чуть замуж не вышла за своего родного братца, значит. И вот она, донна-то Роза...

– Боже, какая тоска, – повторила женщина.

Шура, бесперемонная прерванная в самом интересном месте, обиделась было – но ненадолго.

– К чему я это, – осторожно напомнила, – не досмотрели, говорю, кино-то. Чем кончилось, не знаете?

Женщина вынула из сумочки новую сигарету, прикурила. Покачала головой, и качнулось в полутьме рубиновое пятнышко:

– Не знаю, не смотрела. У меня жизнь ярче всякого кино.

Прищурила глаза. Произносила непонятные слова медленно, будто засыпала:

– Дайвинг на коралловых рифах Борнео... Серебряные пляжи Палм-Бич... Фиджи, Вакайя... Пальмовая роща, ослепительно белый песок... На завтрак – апельсиновые оладьи... Мятный йогурт – холодок на языке... Киви в мармеладе агар-агар. Вечером – ужин в Вакайя Клаб. Океанский ветерок обнимает голую спину и открытое бедро в шифоне от Кристиана Лакруа.

...Италия, Портофино. Проголодались, попали под дождь – да какой: разверзлись небеса... Заскакиваем в трактир... За окном хлещет ливень, а в подвальчике уютно... Потрескивают в камине сыроватые дрова... Немного дымят, но дымок уютен.

Подают фрукты моря... Салат из омаров. Равиоли, фаршированные креветками... Мало-сольные гребешки, собранные вручную – так указано в меню... Ем нежное мясо и воображаю, как ныряльщик ползает с корзиной по дну. Как от нехватки воздуха у него разрывается грудь, лопаются, может быть, ушные перепонки, глаза застилает красная пелена...

И вдруг я испытываю приступ острого наслаждения. Гребешки приобретают совершенно неизъяснимый, трепетный вкус! Точно включились особые рецепторы, которые до сих пор дремали. И муж любит меня и говорит, как у меня блестят глаза и какая я сейчас красивая.

Узнав, что гребешки собирают водолазы в скафандрах, я разочарована. Швыряю тарелку на пол, заявив, что блюдо отвратительно приготовлено. Я слышу, как хозяин трактира говорит жене: «Я же тебе говорил, какие скоты эти русские!»

Да... Но я навсегда запомнила то ощущение.

В мой день ангела в загородном доме мы пьём не фильтрованное «Шато д'Икем». С последним глотком мои губы захватывают бриллиантовое кольцо, лежавшее на дне бокала. Муж целует мой локоть и шепчет на ухо, сколько стоит этот бокал вина – сумма, от которой я

вздрагиваю. И ещё столько же – кольцо. Представляешь, говорит он и нежно жмёт мой локоть, сколько страдающих детей можно на них спасти?

– Ты готов выполнить мою просьбу, спрашиваю я, какой бы странной она не показалась?

– Всё, что пожелаешь, моя Королева!

Прямо с ужина мы мчимся в загородный лес, за окном мелькают заснеженные ели. У ворот больницы нас останавливает охрана, но муж даёт деньги, и нас пропускают. Я хочу зайти в самую тяжёлую палату. И снова нас не пускают, и снова муж даёт деньги. И я хожу между коек и, нагнувшись, приблизив лицо, всматриваюсь в глаза детей. Медсестра подтверждает, что если бы нашлись деньги на операции, многие малыши были бы спасены.

Потом мы возвращаемся и снова пьём вино. Но как заиграл букет, приобретя тот единственный, не достающий оттенок! Это было самое изумительное, самое вкусное пьянящее вино, какое я пила в своей жизни!

И ещё много раз потом, во время застолий, мы с мужем заговорщицки переглядывались, выходили из ресторана и мчались на окраину города. Охранники уже знали нас в лицо и охотно пускали.

После хосписа мы возвращались в ресторан за свой столик. И я смаковала, жмурия от наслаждения глаза, я пила вино маленькими глотками. Держала во рту, давала ему согреться и растечься по языку. И муж любовался мной и говорил: «Какая ты сейчас сексуальная, как ты меня возбуждаешь!»... Холодно как, пронизывает, – женщина сильно вздрогнула, обняла себя руками.

Шура всё это время помалкивала, сидела, шевеля толстыми пальцами. Тяжело поднялась, молча вынесла из сеней тяжёлую пахучую телогрейку. Хотела накинуть на плечи – женщина уклонилась:

– Не надо.

– Тебя как в нашу глухомань-то занесло?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.